

УДК 343.2/7

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

А. В. Козлов

Нижегородский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Поступила в редакцию 25 февраля 2012 г.

Аннотация: анализируется качество уголовного законодательства России об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности с точки зрения системного подхода. Автор указывает типичные ошибки использования законодателем системного подхода при конструировании уголовно-правовых норм об ответственности за данные преступления.

Ключевые слова: система, системный подход, уголовное законодательство, уголовная ответственность, преступления против интеллектуальной собственности.

Abstract: the paper analyzes the quality of Russian criminal law on liability for crimes against intellectual property from the point of view of system approach. The author points out typical mistakes of use by legislator the systems approach in the design of the criminal law of liability for these crimes.

Key words: system, system approach, criminal legislation, criminal liability, crimes against intellectual property.

А. И. Рарог полагает, что «важнейшим условием совершенства любой отрасли законодательства является принцип его системности, предполагающий внутреннюю согласованность всех его положений, норм и институтов, отсутствие коллизий и несоответствий между ними»¹. Можно дискутировать относительно того, является ли системность важнейшим условием или нет, но то, что данный принцип является важным условием совершенства уголовного законодательства, – бесспорно.

К глубокому сожалению, приходится констатировать, что с точки зрения принципа системности уголовное законодательство России далеко не совершенно. И такую позицию разделяют большинство специалистов в области отечественного уголовного права, так или иначе затрагивающих проблему системности уголовного законодательства России. Так, например, Н. А. Лопашенко отмечает, что требование системности довольно часто нарушается в действующем уголовном законодательстве². С. Ф. Ми-

551

¹ Рарог А. И. Принцип системности права и развитие уголовного законодательства // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке : материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2006. С. 3.

² См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. С. 191–192.

люков указывает, что Уголовный кодекс РФ содержит многочисленные системные противоречия и не отвечает требованию системности³.

Л. К. Савюк отмечает, что в идеале уголовное законодательство должно быть логически стройной и законченной, непротиворечивой и последовательной, внутренне единой и цельной системой норм и институтов, построенных и функционирующих на единых принципах и общих положениях, и добавляет, что в реальной действительности уголовному законодательству России до этого идеала далеко⁴.

Н. Ф. Кузнецова говорит о том, что «совершенствование УК – процесс постоянный. Однако происходящие в последние годы изменения Кодекса во многом не следуют принципу системности»⁵. Н. Е. Крылова отмечает, что «анализ действующего уголовного законодательства и ряда изменений последних лет дает основания для неутешительного вывода о том, что российский законодатель непоследователен в своих решениях и нередко пренебрегает системным подходом при внесении в УК очередных изменений и дополнений»⁶. П. А. Агапов указывает, что анализ изменений, которым подвержен в последнее время УК РФ, в целом ряде случаев свидетельствует об отсутствии системного подхода⁷.

Уголовное законодательство об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности является наглядным примером дефектов системности и системного подхода законодателя как на этапе разработки и принятия Уголовного кодекса РФ 1996 г., так и в ходе внесения в него изменений и дополнений.

Уголовная ответственность за преступления против интеллектуальной собственности предусмотрена в ст. 146 «Нарушение авторских и смежных прав», 147 «Нарушение изобретательских и патентных прав», 180 «Незаконное использование товарного знака» и 183 «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую и банковскую тайну» Уголовного кодекса РФ. Указанные статьи помещены законодателем в различные разделы и главы УК РФ. Так, ст. 146 и 147 расположены в гл. 19 раздела VII УК, тогда как ст. 180 и 183 расположены в гл. 22 раздела VIII УК.

Но выделение в Особой части УК РФ разделов и глав законодатель осуществил на основе объекта преступного посягательства, разместив

³ См.: Миллюков С. Ф. Бессистемность как неотъемлемое свойство отечественной уголовно-правовой политики // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М., 2007. С. 271.

⁴ См.: Савюк Л. К. На пути к системности уголовного права // Там же. С. 353.

⁵ Кузнецова Н. Ф. Критерии эффективности уголовного закона // Пять лет действия УК РФ : итоги и перспективы. Материалы 11 междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 30–31 мая 2002 г. М., 2003. С. 41.

⁶ См.: Крылова Н. Е. Системность в уголовном праве : некоторые критические замечания // Системность в уголовном праве. С. 224.

⁷ См.: Агапов П. А. Бессистемность как дефект текущего уголовно-правового регулирования // Там же. С. 20.

уголовно-правовые нормы в разделах и главах по критерию однородности (однотипности, схожести) общественных отношений, которым преступлением причиняется вред.

Однородность отношений в сфере интеллектуальной собственности в доказательстве не нуждается. И все же укажем, что, несмотря на некоторые различия, объекты интеллектуальной собственности объединяют следующие основные признаки: 1) правовое регулирование создания и использования объектов интеллектуальной собственности осуществляется на основе единого нормативно-правового акта – Части 4 Гражданского кодекса РФ; 2) в первой главе Части 4 ГК РФ установлены общие для всех объектов интеллектуальной собственности принципы и правила их создания и использования; 3) данный нормативно-правовой акт устанавливает на объекты интеллектуальной собственности набор личных, имущественных и иных прав, которые во многом схожи; 4) имущественные права можно передавать третьим лицам на основе схожих по названию и содержанию договоров (договор об отчуждении права и лицензионный договор) и других признаков.

Исходя из системного подхода к уголовному законодательству, более правильно было бы ст. 146–147, 180 и 183 УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за преступления против интеллектуальной собственности, разместить в одной структурной единице УК РФ (главе или разделе). В зарубежном уголовном законодательстве мы находим примеры, когда статьи, предусматривающие ответственность за преступления против интеллектуальной собственности, расположены в одной структурной единице уголовного кодекса. Так, например, в Уголовном кодексе Испании все статьи об ответственности за рассматриваемые преступления располагаются в главе XI «О преступлениях, связанных с интеллектуальной собственностью, с рынком и потребителями» раздела VIII «Преступления против собственности и социально-экономического порядка»⁸. В Уголовном кодексе Болгарии предусмотрен раздел VII «Преступления против интеллектуальной собственности» главы III «Преступления против прав граждан»⁹.

Предложение разместить ст. 146–147, 180 и 183 в одной структурной единице УК РФ неоднократно озвучивалось исследователями проблем в рассматриваемой сфере. Например, М. С. Ласточкина отмечает целесообразность выделения в УК РФ отдельной главы, посвященной охране интеллектуальной собственности как особой категории правоотношений, что позволит учесть своеобразие объекта преступного посягательства¹⁰.

⁸ См.: Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисл. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. М., 1998. С. 87–92.

⁹ См.: Уголовный кодекс Республики Болгария / ред. кол. : А. И. Лукашев (науч. ред.) [и др.] ; пер. с болг. Д. В. Милушев, А. И. Лукашев ; вступ. ст. Й. И. Айдаров. Минск, 2000. С. 83–84.

¹⁰ См.: Ласточкина М. С. Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 11–12.

О выделении преступлений против интеллектуальной собственности в самостоятельную главу УК РФ говорит и Г. Глухова¹¹.

Но мы в большей мере согласны с П. А. Филипповым, который предлагает выделить не главу, а раздел УК о преступлениях против интеллектуальной собственности¹². Он верно отмечает, что в силу двойственной природы объектов интеллектуальной собственности преступления против интеллектуальной собственности невозможно отнести ни в раздел преступлений против личности, ни в раздел преступлений в сфере экономики.

Действительно, если поместить преступления против интеллектуальной собственности в разделе VII «Преступления против личности», то разумным возражением против этого будет довод о том, что товарные знаки и коммерческая тайна имеют большее отношение не к личности, а к экономической сфере. Особенно это относится к товарным знакам, которые не имеют автора, не рассматриваются как результаты творческой деятельности и регистрируются, главным образом, юридическими лицами. Если же поместить главу о преступлениях против интеллектуальной собственности в разделе VIII «Преступления в сфере экономики», то противники могут возразить, что присвоение авторства на произведения науки, литературы, искусства, изобретения и т.д. посягает в первую очередь на интересы личности.

Таким образом, можно говорить о том, что система и структура Особенной части УК РФ не позволяет расположить главу о преступлениях против интеллектуальной собственности в каком-либо разделе УК РФ без нарушения системности размещения уголовно-правовых норм. Поэтому системный подход оставляет только один вариант группировки преступлений против интеллектуальной собственности без нарушения принципов построения Особенной части УК РФ – выделить самостоятельный раздел. И, как верно отмечает П. А. Филиппов, расположить этот раздел следует между разделами VII и VIII УК РФ¹³.

Кстати, если верить названию и содержанию Постановления от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака», то Пленум Верховного Суда Российской Федерации рассматривает преступления против интеллектуальной собственности как однородные, несмотря на их нахождение в разных главах и разделах УК РФ. Это обстоятельство можно рассматривать в качестве еще одного довода в пользу объединения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности в одной структурной единице УК РФ (главе или разделе).

¹¹ См.: Глухова Г. Необходима самостоятельная глава в УК РФ о преступлениях против интеллектуальной собственности // Уголовное право. 2003. № 2. С. 20–21.

¹² См.: Филиппов П. А. Уголовно-правовая защита интеллектуальной собственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 45–46.

¹³ См.: Филиппов П. А. Указ. соч. С. 45–46.

Правда, в указанном Постановлении Верховный Суд РФ не дает разъяснения по вопросам уголовно-правовой охраны коммерческой тайны. И основная причина заключается, на наш взгляд, в том, что ст. 183 УК РФ обеспечивает охрану сразу трех видов тайны: коммерческой, налоговой и банковской. Налоговая и банковская тайна к интеллектуальной собственности не относится, поэтому рассматривать ст. 183 УК РФ целиком в Постановлении от 26 апреля 2007 г. № 14 Верховный Суд справедливо посчитал нелогичным, как и рассматривать в Постановлении вопросы применения ст. 183 УК РФ.

Следует указать, что по поводу охраны в ст. 183 УК РФ одновременно трех видов тайны К. О. Папеева отмечает следующее: «Уголовно-правовой охране согласно ст. 183 УК РФ подлежат коммерческая тайна, банковская тайна или налоговая тайна. Каждая из этих тайн является самостоятельным объектом, поскольку: 1) для наличия состава преступления нет необходимости в причинении вреда одновременно всем трем перечисленным в статье тайнам; 2) посягательство на одну из них не влечет за собой автоматического посягательства на другую; 3) нельзя выделить одну из указанных тайн в качестве основного объекта, а две другие счесть дополнительными. Таким образом, получается, что: либо анализируемый состав содержит три объекта уголовно-правовой охраны, либо ч. 1 ст. 183 УК РФ предусматривает три состава преступления. И то и другое является нарушением правил юридической техники и системы построения уголовного закона. Поэтому для разрешения существующей проблемы предлагается разделить ст. 183 на три самостоятельных статьи УК РФ»¹⁴.

Мы полностью согласны с мнением К. О. Папеевой о разделении ст. 183 УК РФ на три самостоятельные статьи по причине нарушения системного подхода при ее конструировании и объединении в одной статье сразу трех видов тайны.

Разделяем мы и иные доводы авторов о предусмотрении уголовной ответственности за коммерческую, налоговую и банковскую тайну в самостоятельных статьях УК РФ. Так, например, С. М. Крянин и В. Н. Зайцев отмечают, что уголовно-правовая охрана сразу трех видов тайны в одной статье не позволяет дифференцировать уголовную ответственность за преступные посягательства отдельно на каждую из них хотя бы потому, что степень общественной опасности посягательств на коммерческую, налоговую и банковскую тайну различна, а следовательно, и санкции за такие посягательства должны быть различны¹⁵.

Далее отметим и другие отступления законодателя от системного подхода применительно к уголовному законодательству об ответственнос-

¹⁴ См.: Гриб В. В., Кузнецов А. П., Козлов А. В. Принципы права и проблемы обеспечения правопорядка в сфере экономики // Юрист. 2005. № 4. С. 10.

¹⁵ См.: Крянин С. М. Уголовно-правовая охрана секретов производства : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 27–28 ; Зайцев В. Н. Уголовно-правовая охрана промышленной собственности : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 156–157.

ти за преступления против интеллектуальной собственности. Так, например, и в редакции на момент принятия, и в действующей редакции ст. 147 УК РФ ответственность предусмотрена как за присвоение авторства на изобретение, полезную модель или промышленный образец, так и за принуждение к соавторству на них. Возникает логичный вопрос: почему законодатель предусмотрел в ст. 146 УК РФ уголовную ответственность за присвоение авторства на произведение науки, литературы и искусства, а за принуждение к соавторству на них – нет. Ведь принуждение к соавторству является не менее общественно опасным деянием, чем присвоение авторства, но термином «присвоение авторства» не охватывается.

Мы согласны с теми авторами, которые предлагают в ст. 146 УК РФ наряду с присвоением авторства предусмотреть уголовную ответственность и за присвоение авторства¹⁶. И законодатель может легко это сделать, но почему-то не сделал, когда вносил изменения в УК РФ, предусмотрев ответственность за присвоение авторства в ч. 1 ст. 146 УК РФ, а за незаконное использование объектов авторского права и смежных прав – в ч. 2 ст. 146 УК РФ. До этого (в первоначальной редакции УК РФ) уголовная ответственность и за присвоение авторства и за незаконное использование объектов авторского права и смежных прав была предусмотрена в одной части – ч. 1 ст. 146 УК РФ.

Следует отметить, что предусмотрение уголовной ответственности за присвоение авторства в отдельной части ст. 146 УК РФ мы приветствуем, так как присвоение авторства и незаконное использование объектов авторских и смежных прав являются разными преступлениями по степени общественной опасности, ввиду нарушенных прав. Но возникают два вопроса. Во-первых, почему законодатель не поступил системно и не предусмотрел по аналогии со ст. 146 УК РФ уголовную ответственность за присвоение авторства (и, естественно, за принуждение к соавторству) в отдельной части ст. 147 УК РФ? И, во-вторых, почему, предусмотрев уголовную ответственность за присвоение авторства в отдельной части ст. 146 УК РФ (сказав «А»), законодатель не предусмотрел для указанного преступления квалифицирующие признаки (не сказал «Б»)? Ведь данное обстоятельство не позволяет, на наш взгляд, должным образом дифференцировать уголовную ответственность за присвоение авторства. Вместе с тем, по справедливому утверждению Л. Л. Кругликова и А. В. Васильевского, «дифференциация ответственности лиц, преступивших уголовный закон, представляет собой одно из генеральных направлений уголовно-правовой политики любого цивилизованного общества в сфере борьбы с преступностью»¹⁷. И по не менее справедливому утверждению Т. А. Костаревой, «квалифицирующие признаки являются важным

¹⁶ См., например: *Кузьмина И. К.* Уголовно-правовая охрана авторских, смежных, изобретательских и патентных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 9; *Толченова Ю. В.* Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 12.

¹⁷ *Кругликов Л. Л., Васильевский А. В.* Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 48.

самостоятельным средством дифференциации уголовной ответственности... функция дифференциации ответственности является главной системной функцией квалифицирующих признаков»¹⁸. Не удивительно, что большинство исследователей предлагают устранить недоработку законодателя и предусмотреть применительно к присвоению авторства (ч. 1 ст. 146 УК РФ) квалифицирующие признаки.

Согласимся с теми авторами, которые предлагают предусмотреть в ч. 1 ст. 146 УК РФ применительно к присвоению авторства такие квалифицирующие признаки, как «лицо с использованием своего служебного положения»¹⁹, «группа лиц по предварительному сговору»²⁰. Хотя вместе с тем не поддержим предложение Ю. В. Толченовой предусмотреть в качестве квалифицирующего такой признак, как «в отношении лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии». На наш взгляд, право авторства не относится (в отличие, например, от права на жизнь, здоровье или половую свободу и неприкосновенность) к тем правам, нарушить которые легче, когда потерпевший находится в беспомощном состоянии. Тем более, что, по данным самой же Ю. В. Толченовой, такое предложение поддержали всего 8,9 % работников правоохранительных органов и суда²¹.

Относительно того, какими должны быть квалифицирующие признаки применительно к присвоению авторства в ст. 146 УК РФ, – вопрос, понятно, спорный. Но факт остается фактом: применительно к присвоению авторства в ст. 147 квалифицирующие признаки есть, а в ст. 146 их нет. Налицо отступление законодателя от системного подхода.

Кстати, по поводу квалифицирующих признаков. На момент принятия УК РФ законодатель в ст. 146 и 147 УК РФ предусмотрел квалифицирующие признаки (неоднократность, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа), а в ст. 180 и 183 УК РФ – нет. Еще один отход от системного подхода. Ведь, судя по правоохранительной и судебной практике, преступления, предусмотренные ст. 146, 147 и 180 УК РФ, совершаются одинаково. Виновный продает экземпляры товара, изготовленного с нарушением чужих исключительных прав. В случае с авторским правом в подавляющем большинстве случаев это диск с чужим фильмом, музыкальным альбомом или компьютерной программой. В случае с патентным правом – это телефон (телевизор, магнитофон, ле-

¹⁸ Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Ярославль, 1993. С. 188.

¹⁹ См., например: Кузьмина И. К. Указ. соч. С. 10; Бондарев М. Ю. Уголовно-правовая охрана интеллектуальных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 25; Толченова Ю. В. Указ. соч. С. 12; Кузнецов К. В. Уголовно-правовая характеристика посягательств, нарушающих авторские, смежные, изобретательские и патентные права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 12; Филиппов П. А. Указ. соч. С. 202.

²⁰ См., например: Бондарев М. Ю. Указ. соч. С. 25; Кузнецов К. В. Указ. соч. С. 12; Филиппов П. А. Указ. соч. С. 202.

²¹ См.: Толченова Ю. В. Указ. соч. С. 17, 18.

карство и т.д.), изготовленный по запатентованной технологии, или товар, внешний вид которого повторяет запатентованный промышленный образец. В случае с товарными знаками – это любой товар (магнитофон, джинсы, телефон и т.д.), на который виновный незаконно поставил чужой товарный знак. В случае с коммерческой тайной – это товар (напиток, лакокрасочная продукция и т.д.), изготовленный по украденной технологии, засекреченной другим лицом.

Впрочем, позднее законодатель поступил системно и предусмотрел в ст. 180 и 183 УК РФ квалифицирующие признаки. Но и одновременно он действовал несистемно, так как в действующих редакциях ст. 146, 147, 180 и 183 УК РФ квалифицирующие признаки существенно отличаются друг от друга, в том числе по непонятным причинам ст. 183 УК РФ является единственной из четырех рассматриваемых нами, в которой отсутствует такой квалифицирующий признак, как «группа лиц по предварительному сговору или организованная группа».

У читателя может создаться ощущение, что мы не согласны со всеми изменениями, внесенными законодателем в рассматриваемые статьи. Это не так. Более чем положительно мы оцениваем замену в ст. 146 УК РФ признака «крупный ущерб» на признак «крупный размер» применительно к незаконному использованию объектов авторского права и смежных прав. У крупного ущерба по сравнению с крупным размером применительно к ст. 146 УК РФ был ряд существенных недостатков.

1. Наиболее часто встречающийся вид нарушения авторских и смежных прав – торговая точка с определенным количеством контрафактных экземпляров кассет, компакт-дисков с фильмами, музыкальными альбомами, компьютерными программами и т.д., права на которые принадлежат, как правило, нескольким правообладателям. Допустим, лицо продает 100 фильмов на 100 компакт-дисках, права на которые принадлежат 100 разным правообладателям. До 8 декабря 2003 г., когда в ст. 146 УК РФ был предусмотрен признак крупного ущерба, привлечь к ответственности по указанной статье за данное нарушение было практически невозможно, так как крупный ущерб имеет адресата – конкретного правообладателя. А доказать, что продажа одного компакт-диска обернулась для него крупным ущербом, проблематично. В отличие от крупного ущерба крупный размер определяет объем нарушения прав, не привязан к правообладателю (т.е. не зависит от количества правообладателей) и определяется путем суммирования стоимости всех (в нашем случае – 100) контрафактных компакт-дисков.

2. Ущерб от нарушения авторских и смежных прав крайне трудно исчислять. Как, например, точно рассчитать, какой ущерб причинен правообладателю, если нарушитель продавал контрафактные экземпляры по 100 рублей, а правообладатель – по 300? Иными словами, сколько человек из тех, кто готов купить фильм за 100 рублей, купят его за 300? И какой ущерб будет причинен находящемуся в США или Москве правообладателю, если контрафактный экземпляр продается в Нижнем Новгороде, при этом лицензионных экземпляров в Нижнем Новгороде нет? В отличие

от крупного ущерба, крупный размер исчисляется исходя из стоимости лицензионных экземпляров. Если лицо продает 100 контрафактных компакт-дисков по 100 рублей, а лицензионная стоимость одного компакт-диска – 300 рублей, то для установления размера содеянного достаточно 100 умножить на 300. Правда, справедливости ради, стоит указать, что в некоторых случаях проблемы с установлением стоимости лицензионного продукта все же возникают, но в целом их меньше и они проще.

3. Крупный ущерб как признак объективной стороны – это преступное последствие. А значит, состав по конструкции материальный. Это, в свою очередь, означает, что преступление окончено с момента фактического причинения крупного ущерба. Применительно к ст. 146 УК РФ это означает, что до 8 декабря 2003 г. привлечь как за оконченное преступление к ответственности лицо, которое изготовило контрафактные экземпляры, хранило их, перевозило к месту реализации или только преступило к реализации, по ст. 146 УК РФ было невозможно, так как на этих стадиях ущерб правообладателю еще не был причинен. Привлекать за покушение на преступление также было проблематично, так как уголовная ответственность по действующему российскому законодательству предусмотрена только за покушение на преступление, совершаемое с прямым умыслом. Применительно к ст. 146 УК РФ это означает, что, изготавливая контрафактные экземпляры произведения, виновный желал причинить автору или иному правообладателю крупный ущерб. «Желал», согласно доктрине уголовного права, означает, что крупный ущерб был основной или промежуточной целью действий виновного. Но доказать это трудно, так как основная цель нарушителя имущественных прав автора – заработать. Ему дела нет до правообладателя, а это признак не прямого, а косвенного умысла. С 8 января 2003 г., когда крупный ущерб был заменен на крупный размер, уже за изготовление контрафактных экземпляров стало возможным привлекать по ст. 146 УК РФ как за оконченное преступление.

После такой оценки минусов крупного ущерба по отношению к крупному размеру в ст. 146 УК РФ становятся понятными слова Б. Д. Завидова о том, что «крупный ущерб в ст. 146 УК РФ являлся камнем преткновения для правоприменительной деятельности»²². И не случайно многие ученые еще до внесения изменений в ст. 146 УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ предлагали отказаться в ст. 146 УК РФ от крупного ущерба или, по крайней мере, предусмотреть дополнительно к крупному ущербу альтернативный признак крупного размера²³.

²² Защита авторских и смежных прав по законодательству России / под общ. ред. И. В. Савельевой. М., 2001. С. 121.

²³ См., например: *Кострова М.* Крупный размер и крупный ущерб по УК РФ : языковой аспект // *Законность*. 2001. № 10. С. 26 ; *Федосов С. А.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты защиты авторских прав создателей и пользователей программ для ЭВМ и баз данных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 14 ; *Коваленко А. А.* Уголовно-правовая охрана авторских и смежных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9.

Как уже было сказано, законодатель поступил правильно, заменив в ст. 146 УК РФ крупный ущерб на крупный размер. Об этом косвенно свидетельствуют и данные о регистрации преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ. Только этой заменой можно объяснить существенный рост регистрации преступлений по ст. 146 УК РФ. Так, если в 2004 г. по ст. 146 УК РФ было зарегистрировано 1917 преступлений, то в 2005 – 2924 преступления, а в 2006 – 7245 преступлений.

Поступил правильно, но не системно. Возникает вопрос: почему, заменив крупный ущерб на крупный размер в ст. 146 УК РФ, законодатель не сделал этого в ст. 147, 180 и 183 УК РФ²⁴? Ведь, как мы отметили ранее, преступления против интеллектуальной собственности схожи.

Теперь несколько слов о стоимостных критериях преступлений против интеллектуальной собственности. На момент принятия УК РФ и вступления его в силу 1 января 1997 г. во всех анализируемых нами статьях (ст. 146, 147 и 180 УК РФ) содержался признак крупного ущерба, и он был оценочным, т.е. суд решал, признавать ли причиненный ущерб крупным или нет.

Вот что произошло далее:

1. Как уже было сказано ранее, в ст. 146 УК РФ применительно к незаконному использованию объектов авторского права законодатель заменил крупный ущерб на крупный размер и предусмотрел для него стоимостные критерии. Крупным сначала признавался размер в сумме 50 000 рублей, сегодня – в сумме 100 000 рублей.

2. В ст. 147 УК РФ законодатель ничего не менял и оставил крупный ущерб оценочной категорией.

3. В ст. 180 законодатель оставил крупный ущерб, но предусмотрел применительно к нему стоимостные критерии. Сначала 250 000, а затем через несколько лет – 1 500 000 рублей.

Несистемность очевидна. Если в ст. 147 и 180 УК РФ законодатель и не заменил крупный ущерб на крупный размер, то почему, предусмотрев стоимостные критерии крупного ущерба в ст. 180 УК РФ (как и почти во всех статьях гл. 22 УК РФ), законодатель не сделал этого в ст. 147 УК РФ. Это – раз. И почему нижний порог преступности в ч. 2 ст. 146 УК РФ определяется суммой 100 000 рублей, а в ст. 180 УК РФ – 1 500 000? Сомнительно, что авторское право важнее товарных знаков в 15 раз (а до повышения в ст. 146 УК РФ крупного размера с 50 000 до 100 000 – в 30 раз). Это – два. Если единственным основанием криминализации и декриминализации является общественная опасность, то возникает вопрос: неужели общественная опасность незаконного использования авторских и смежных прав изменилась за короткий промежуток времени в 2 раза, а незаконного использования товарного знака – в 6 раз, если законодатель нижний порог преступности в ст. 180 УК РФ повысил с 250 000 до 1 500 000 рублей? Это – три.

²⁴ Правда, справедливости ради, отметим, что после внесенных изменений в ст. 183 УК РФ крупный ущерб из конструирующего признака сделан законодателем квалифицирующим.

И в завершение статьи укажем на еще одну несистемность, связанную с наказуемостью за совершение квалифицированных видов преступлений против интеллектуальной собственности:

1. На момент вступления УК РФ в силу 1 января 1997 г. квалифицированное незаконное использование объектов авторского права и смежных прав (на тот момент – ч. 2 ст. 146 УК РФ) относилось к категории преступлений средней тяжести (максимальное наказание – 5 лет лишения свободы). При этом санкция ч. 2 ст. 146 УК РФ предусматривала следующие альтернативные виды наказаний: штраф, арест и лишение свободы. Впоследствии законодатель изменил санкцию (сегодня – это ч. 3 ст. 146 УК РФ) и в настоящее время данное преступление относится к категории тяжких (максимальное наказание – 6 лет лишения свободы), а лишение свободы является единственно возможным наказанием.

2. На момент вступления УК РФ в силу квалифицированное нарушение изобретательских и патентных прав (ч. 2 ст. 147 УК РФ) относилось к категории преступлений средней тяжести (максимальное наказание – 5 лет лишения свободы). При этом санкция ч. 2 ст. 147 УК РФ предусматривала следующие альтернативные виды наказаний: штраф, арест и лишение свободы. К настоящему времени с точки зрения категории преступления и альтернативных видов наказания в ч. 2 ст. 147 УК РФ законодатель ничего не изменил.

3. На момент вступления УК РФ в силу 1 января 1997 г. в ст. 180 УК РФ квалифицированный состав незаконного использования товарного знака отсутствовал. Позднее он был предусмотрен законодателем в ч. 3 ст. 180 УК РФ. При этом квалифицированное незаконное использование товарного знака было отнесено законодателем к категории преступлений средней тяжести (максимальное наказание – 5 лет лишения свободы), а санкция ч. 3 ст. 180 УК РФ предусматривала следующие альтернативные виды наказаний: штраф, арест и лишение свободы. Еще позднее законодатель внес изменения в санкцию ч. 3 ст. 180 УК РФ, и в настоящее время данное преступление относится к категории тяжких (максимальное наказание – 6 лет лишения свободы), а лишение свободы является единственно возможным наказанием.

4. На момент вступления УК РФ в силу 1 января 1997 г. в ст. 183 УК РФ квалифицированный состав отсутствовал. Позднее он был предусмотрен законодателем в ч. 3 ст. 183 УК РФ, а в ч. 4 был предусмотрен особо квалифицированный состав. При этом квалифицированный состав был отнесен законодателем к категории преступлений средней тяжести (максимальное наказание – 5 лет лишения свободы), а в санкции ч. 3 ст. 183 УК РФ был предусмотрен только один вид наказания: лишение свободы. Особо квалифицированный состав был отнесен законодателем к категории тяжких преступлений (максимальное наказание – 10 лет лишения свободы), а в санкции ч. 4 ст. 183 УК РФ был предусмотрен только один вид наказания: лишение свободы.

Несистемность и в части видов, и в части сроков (размера) наказания очевидна. И вопросов множество. Например: почему, если и незаконное

использование авторских и смежных прав (ч. 2 ст. 146 УК РФ), и незаконное использование объектов патентных прав (ч. 1 ст. 147 УК РФ) являются преступлениями небольшой тяжести (максимальное наказание – 2 года лишения свободы), то наличие такого квалифицирующего признака, как «группа лиц по предварительному сговору или организованная группа», переводит первое преступление в категорию тяжких (ч. 3 ст. 146 УК РФ), второе преступление – в категорию преступлений средней тяжести (ч. 2 ст. 147 УК РФ)?

Из сказанного выше с очевидностью следует, что законодатель не в полной мере использовал системный подход при конструировании уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 146, 147, 180 и 183 УК РФ.

Нижегородский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Козлов А. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса

*E-mail: akozlov@hse.ru
Тел.: 8-910-387-90-95*

Nizhny Novgorod Branch of National Research University Higher School of Economics

Kozlov A. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law and Criminal Trial Department

*E-mail: akozlov@hse.ru
Tel.: 8-910-387-90-95*